

самой головой. Дон Луис вел свой скромный, мышинового цвета «рено» не торопясь, больше сосредоточиваясь на рассказе, нежели на управлении машиной...

Слухи о земле Эльдорадо будоражили алчность конкистадоров. В 1536 году на ее поиски отправилась из Санта-Марты экспедиция во главе с доном Гонсало Хименесом де Кесадой. До этого он без особого успеха пытался покорить жившее на карибском побережье племя тайронов.

Навстречу дону Гонсало из Кито шел отряд Себастьяна Белалькасара. Сей «благородный дон» бежал от притеснений более сильных конкурентов-завоевателей — братьев Писарро, увлеченных грабежом инков в Перу.

И в довершение — с востока к району их встречи продвигался Николас де Федерман, изрядно поплутавший в сельве по берегам Ориноко в поисках некоего «южного моря». В силу чистой случайности три отряда встретились на землях муисков, и конкистадоры уговорились действовать, сколь это возможно, объединив усилия.

Используя принцип «разделяй и властвуй», испанцы воспрепятствовали объединению живших на плоскогорье племен и в двух быстротечных, но ожесточенных сражениях разбили войско Сипы и овладели его крепостью, называвшейся Бакатá.

На месте разрушенной индейской крепости испанцы в 1538 году основали город Санта-Фе, ставший столицей вице-королевства Новая Гранада. Индейское название, однако, не было утрачено. Позже город стал именоваться Санта-Фе-де-Боготá. Таким его полное название остается и по сей день.

подавив последние очаги сопротивления, конкистадоры вплотную занялись поисками Эльдорадо. По всему чувствовалось: желанные сокровища где-то рядом. Но обнаружить их испанцы так и не смогли. Постепенно интенсивность поисков сошла на нет, благо сокровищ кругом хватало и без того.

После провозглашения суверенной Колумбии историки молодого государства не раз пытались

раскрыть тайну местонахождения Эльдорадо. В конце концов они сошлись во мнении: сокровища скрыты на дне вулканического озера, расположенного всего километрах в 60 от Боготы.

В начале нынешнего века вокруг богатств Эльдорадо опять поднялась волна ажиотажа. После серии безрезультатных попыток найти хоть какое-то подтверждение выводам историков, группе разнокалиберных авантюристов, объединивших свои усилия и вырывших на берегу озера шахту глубиной в несколько десятков метров, удалось-таки докопаться до горсти золотых украшений. В разгар триумфальной оргии стены шахты обрушились, в нее хлынула вода. Стали рыть берег рядом — пусто.

Тогда за дело взялась достаточно солидная английская компания «Контрэкторс лимитед». Был прорублен наклонный тоннель, и вода вылилась из озера. Однако многометровый слой донного ила оказался настолько топким и глубоким, что от попыток что-либо в нем найти пришлось на какое-то время отказаться. Подсохнув же, он превратился в нечто совершенно неприступное для бурильного оборудования тех времен. Постепенно озеро вновь заполнилось водой.

...Меж тем мы сменили ровный асфальт аутописты на выщербленное, тряское шоссе местного значения. А вскоре наш автомобильчик, словно утлая шлюпка в шторм, лихо переваливался по ухабам проселка. Постепенно колея становилась все более не приметной и в конце концов окончательно растаяла в густой траве у въезда в крохотный хуторок. Вокруг высилось с полдюжины холмов. Один из них скрывал легендарное озеро. Но даже здесь, у самой цели, угадать место его расположения было совершенно невозможно.

Восхождение заняло менее часа, но отняло массу сил. Вопреки первому впечатлению, безошибочно избранный моим гидом холм оказался довольно крутым. Его склоны устилала высокая — выше колена — подушка из довольно жестких, колючих трав и кустарников, сплетенных буквально намертво. Идти приходилось

как по болоту, проваливаясь, выкарабкиваясь на «твердую почву», опять проваливаясь. К тому же гребень кратера этого потухшего вулкана лежит выше трех тысяч метров, и недостаток кислорода вполне определенно давал о себе знать. В глазах замелькали красненькие точки. Язык стал сухим и шершавым, как наждак. Сердце молотило в грудной клетке с исступлением дятла. Ноги сделались почти ватными и налились тяжестью. По мере того как мы поднимались, я начинал понимать отчаяние испанцев. Похожих друг на друга как две капли воды холмов стало видно вокруг уже не с полдюжины, а добрых два десятка.

Но вот легендарное озеро открывается взору. Оно имеет правильную круглую форму. До противоположного берега — метров сто. Цвет воды крайне необычный, туманно-зеленый. Да это, собственно, и не вода, а взвесь ила, в которой не видно даже опущенной по локоть руки.

Современная техника вполне позволяет извлечь изумруды и золото со дна озера. Но занятие это дорогостоящее — а драгоценностей-то может и вовсе не оказаться. Легенда есть легенда. Колумбийцы, правда, в большинстве своем уверены, что сокровища муисков находятся все же именно здесь. И очень довольны, что их оставили в покое. Это в конце концов самый верный способ сохранить и сами сокровища, если они есть, и легенду об Эльдорадо для грядущих поколений.

Меня потрясло царящее вокруг безмолвие. Ни души, ни звука. Красивейший уголок, одно из редких мест, позволяющих прикоснуться к прошлому, почувствовать, как оно проникает в тебя, пронзает душу осознанием бездонности нашей истории. Эти минуты одиночества между невероятно синим небом и непостижимо зеленой водой незабываемы. Здесь думается легко и мощно. Разум будто сбрасывает оковы нашей эпохи, тянется вверх и вширь, расправляется и из заоблачных высот обнимает всю землю, и горы, и настоящее, и прошлое...

Миг фантастического слияния с потоком истории, с потоком времени хотелось продлить беско-

нечно. Вернувшись в Боготу, мы долго бродили по опустевшим залам Музея золота. Последние посетители покинули здание. Мы вновь остались, как там, на озере, наедине с историей — в таинственном полумраке ночного освещения творилось чудо.

Стеклянные витражи распахивались, словно двери, впуская в прошлое. На ладонь одна за другой ложились золотые фигурки, глиняные черепки, познавшие прикосновение человеческих рук много веков назад. Директор передал мне небольшой каменный сосуд:

— О нем тоже ходили легенды. Но сегодня мы их предпочитаем не вспоминать. Этот сосуд своего рода табакерка, только «табак» современники Эльдорадо делали из коки.— Луис Дуке Гомес грустно улыбнулся.— Теперь, когда Колумбия стала вотчиной торговцев наркотиками, мало кому доставляет удовольствие исследовать ту роль, которую кока играла в доколумбовую эпоху. И между прочим, зря — роль эта была совсем иной, нежели сейчас. Во многом утратив, забыв, уничтожив духовную и материальную культуру древних индейских цивилизаций, мы, однако, пронесли через века и даже «обогатили» — по-моему, до абсурда — их «кокаиновую культуру»...

Много доброго можно рассказать о колумбийцах и об их родине — стране Эльдорадо и кофе, изумрудов и орхидей, писателя Габриэля Гарсии Маркеса, поэта Луиса Видалеса, художника Ботеро. Проработав почти два года в Колумбии, я успел полюбить ее живописные просторы, ее доброжелательных, жизнерадостных, открытых людей. Богата ее культура, увлекательна история. Но эта книга — о другом.

Она тоже об «эльдорадо», но не о мифическом, а о совершенно реальном. О не знающей государственных границ империи кокаиновых баронов нашего века. Причем без кавычек, ибо здесь нет ни грана условности.

Империя — действительно империя, простирающаяся от Боливии через Перу и Колумбию до Панамы, Коста-Рики и дальше — до Испании, США.

Кокаиновые бароны — действительно баснословно разбогатевшие на торговле белым ядом бароны — властные, жестокие, привыкшие ни в чем не знать преград.

Наркомания — страшное зло нашей эпохи. Опасное прежде всего своей «интернациональностью». Его микробами заражен весь мир. Правда, проявляется зло по-разному. Где-то уже бушует почти бесконтрольной эпидемией, где-то пока таится.

В США 500 тысяч человек колются героином, миллионы употребляют кокаин, десятки миллионов курят марихуану.

В Австралии, по официальным данным, наркотики ежегодно уносят более 20 тысяч человеческих жизней. Премьер-министр Роберт Хоук однажды не смог сдержать рыданий, когда во время телеинтервью журналисты коснулись темы наркотиков. Дочь премьер-министра и ее муж были наркоманами.

В большинстве стран Африки широко распространена марихуана. По словам президента Замбии Кеннета Каунды, торговля наркотиками угрожает национальной безопасности страны. Ужасающее распространение получила наркомания в ЮАР.

Широкую известность имеет расположенный в Юго-Восточной Азии «опиумный треугольник». В Таиланде только за год арестовано 30 тысяч наркоманов. Курение опиума имеет здесь повальное распространение. В Малайзии наркомания достигла такого уровня, что власти ввели закон, предусматривающий смертную казнь за владение 15 граммами героина.

Пристрастие к наркотикам широко распространено на Ближнем Востоке. Опиум и гашиш считаются во многих странах региона настолько традиционными, что их жертвы статистикой не учитываются. Слишком мрачными получились бы итоговые цифры. В Египте около 100 тысяч человек употребляют кокаин и героин. В странах Персидского залива таких наркоманов — десятки тысяч.

С каждым годом ухудшается ситуация в Европе. В ФРГ число лиц, имеющих пристрастие

к кокаину, выросло за последние несколько лет на 50 процентов. Западная Германия также удерживает трагическое лидерство по числу жертв героина. Во Франции власти стоят перед необходимостью введения системы принудительного лечения от наркомании. Острейшей социальной проблемой стало распространение наркотиков в Великобритании. Она актуальна и для социалистических стран, в том числе для Советского Союза.

Наркомания уничтожает главное богатство любой нации — человеческие ресурсы. И хотя далеко не каждую из своих жертв кокаин или героин убивает физически, но все до единой, без исключения, наркотики калечат духовно. Растление душ, пожалуй, страшнее растления здоровья.

Производством, транспортировкой и распространением наркотиков в мире занято не меньше людей, чем вовлечено в их употребление. В капиталистических странах заправляет делом наркомафия — располагающие огромными финансовыми ресурсами международные преступные объединения, полностью контролирующие всю «технологическую цепочку». Но среди лиц, занятых наркобизнесом, профессиональные преступники составляют сравнительно небольшую часть. Основная же их масса образуется из в целом вполне добропорядочных «вольнонаемных». Крестьянин, выращивающий мак, коноплю или коку, чтобы не умереть с голоду. Студент, шофер, мелкий клерк, готовый оказать за солидное по его финансовым меркам вознаграждение «незначительную» услугу — передать нужному человеку пакетик с безобидным на вид порошком. Полицейский, стремящийся «повысить» свой, на его взгляд, несправедливо маленький оклад и отворачивающийся в нужный момент в сторону. Банковский служащий, готовый ради улучшения своего финансового положения указать незаметную лазейку в законах о банковских операциях. Всех не перечислишь.

Сила наркомафии не только в деньгах, но прежде всего в том, что она за эти деньги в состоянии купить буквально все. Орудие ее

власти — коррупция. Чем глубже коррупция, тем прочнее позиции наркомафии, с течением времени способной проникнуть во все клеточки экономического, политического, социального организма страны.

Наркомафия искусно играет на извечной слабости людей, не способных устоять перед ослепляющим и развращающим блеском презренного металла. Хотя здесь требуется уточнение. Наркомафия эксплуатирует как страсть одних к обогащению, так и борьбу других за элементарное выживание. «Рабочие руки» она вербует в основном среди самых обездоленных слоев населения, среди людей, обреченных на жалкое, нищенское существование. Вербует за иллюзорный шанс выбраться из зловонной ямы нищеты. И многие судорожно карабкаются вверх по предоставленной им наркомафией лестнице — в действительности ведущей вниз...

Латиноамериканскую наркомафию часто называют колумбийской. Центр ее операций действительно находится на территории Колумбии. Наиболее процветающие сейчас кокаиновые бароны действительно родились колумбийцами. Но кокаиновая мафия в Колумбии не смогла бы существовать без источников сырья и без рынков сбыта готовой продукции. И те, и другие преимущественно находятся за пределами колумбийских границ. Следы кокаиновых баронов тянутся далеко, очень далеко...

«Звездный час» наркомафии

Однажды мне довелось побывать в Лос-Анджелесе, на киностудии «Юниверсал пикчерс». Она считается одним из крупнейших конвейеров голливудской фабрики целлулоидных грез. Студия впечатляла. Ангараы съемочных павильонов по размерам вполне подходили для ремонта широкофюзеляжных «Боингов-747». Лаборатории озвучивания по набору электронного оборудования напоминали центр управления запусками космических кораблей на мысе Канаверал. Но ярче прочего остался в памяти киногород, выстроенный из кварталов различных эпох и культур. Салуны Дикого Запада и рыцарский замок, нью-йоркская улица начала века и избы сибирской деревни, шалаши африканского поселения и узкие улочки средневековой Европы были воссозданы без каких-либо условностей — кино не театр, в хорошем фильме ничто не может быть искусственно. Но для окончательного превращения в реальность бутафорским улицам все же требовалось пройти через магическое око кинокамеры. На одной из площадок снимали массовку — базарный день эпохи рыцарских турниров. Съемка, увиденная собственными глазами, вызвала у меня двойственное ощущение. Костюмы, прически, реквизит — все очень похоже на правду. И все-таки понарошку. Позже я посмотрел фильм, для которого снималась эта сцена. В картине она выглядела абсолютно достоверно.

Эти воспоминания о Голливуде оживил трехминутный сюжет из американской программы теленовостей.

Август 1986 года, Боливия

На телеэкране мелькают кадры, рассказывающие о борьбе с наркомафией в Боливии. Влажный сумрак сельвы. Силуэты в пятнистых комби-

незонах с оружием наготове короткими перебежками продвигаются в направлении едва различимых в чаще сарайчиков. Сосредоточенные лица, напряженные позы. Через несколько минут операция по захвату тайной лаборатории для производства кокаина благополучно завершается без единого выстрела.

Камера дает общий план — и неожиданно в поле объектива попадает группа пестро одетых журналистов и фоторепортеров, выстроившихся подковкой вокруг района «боевых действий». Они широко улыбаются, весело аплодируют. Бравые вояки с удовольствием позируют перед объективами, тычут в фотокамеры раздвинутые буквой «V» — «виктори», победа, — пальцы, хлопают друг друга и журналистов по спине. Такое впечатление, что отснят очередной дубль полнокровного боевика.

Военизированное рекламное представление развернулось вокруг давно заброшенной лаборатории. Причем накануне рейда американская военная разведка тщательно удостоверилась в том, что силы нападавших не встретят никакого сопротивления. Почему именно американская? Ну, хотя бы потому, что и журналисты и солдаты — тоже американские.

Под предлогом участия в совместных операциях против наркомафии в район боливийского города Санта-Крус из зоны Панамского канала были переброшены подразделения 193-й пехотной бригады вооруженных сил США — группировки особого назначения, не так давно воткнувшей древко своего штандарта в землю «освобожденной» Гренады. Операция «Доменная печь» началась в Боливии с большой помпой. Американцы пригнали гигантский транспортный самолет C-5A, груженный оружием, системами связи, вертолетами, штабной мебелью, «джипами». Но «беспощадная война с наркомафией» в конечном итоге свелась к налетам на заброшенные ею объекты. Лишь по истечении месяца интенсивных маневров на боливийской территории американские солдаты захватили первый трофей в виде небольшого мешка с пятью килограммами кокаина. Да и то, как выяснилось, он провалялся

на складе заброшенной тайной лаборатории несколько месяцев.

О механике операции с изрядной долей сарказма рассказала в статье «Высокие цели, дешевый фарс» специальный корреспондент американского журнала «Тайм» Алессандра Стэнли, очевидец событий.

«Наконец,— пишет Стэнли,— нас решили свозить в одну из захваченных лабораторий. Представители 53 органов массовой информации США собрались в городке Тринидад — административном центре департамента Бени и месте дислокации бравых парней из 193-й. Сюда из Вашингтона специально прилетел самолет Управления по борьбе с распространением наркотиков (УБН). Однако подняться с восемью десятками пассажиров он не смог, прочно увязнув в грязи. Тогда половину желающих погрузили в случайно оказавшуюся на аэродроме дребезжащую воздушную колымагу. После нескольких безуспешных попыток она-таки благополучно оторвалась от земли и добралась до места.

Боливийский представитель гордо указал на сваленные горой мешки, содержимое которых сильно напоминало муку, и, закатив глаза, тоном заговорщика пробормотал «кокаин». В действительности оно все же оказалось мукой.

Разочарованные журналисты вновь заняли места в самолете. Но на сей раз взлететь им не удалось. Кое-как они перебрались на соседний аэродром, где грунтовая полоса не так раскисла от дождя, и оттуда стартовали, наконец, в Тринидад.

Вылет второй группы отложили до следующего утра. Но боливийские «леопарды» (части специального назначения боливийской армии, обученные для ведения борьбы с наркомафией) недопоняли полученный приказ и ночью сожгли лабораторию дотла. Вместе с «кокаином».

Разъяренным журналистам пришлось